

Глава 36. Избалованный молодой господин (3)

Покончив с чулками юного господина, Юй Чэньнянь молча снял с него алый плащ, и взору предстала хрупкая, изящная фигура.

Избалованный юнец скользнул под одеяло. Снаружи осталось лишь бледное личико, обрамлённое длинными, слегка изогнутыми ресницами. Глаза он закрывать не собирался.

Он не отпускал Юй Чэньняня, и тот не двигался, застыв у кровати подобно деревянному истукану и опустив взгляд.

Ши Цин сверлил его взглядом несколько секунд, но, не дождавшись реакции, недовольно нахмурился. Из-под одеяла показались две белые ступни и принялись пинать Юй Чэньняня.

Лишь когда тот поднял на него глаза, юный господин удовлетворённо убрал ноги и, вздёрнув подбородок, объявил:

— Я спать ложусь. Спой мне что-нибудь. Хочу послушать песню.

Песни исполняли лишь певички. Эта просьба Ши Цина была откровенным унижением, попыткой втоптать в грязь достоинство принца.

Юй Чэньнянь, до сих пор безропотно сносивший все приказания, не сдержался и нахмурился. Его тёмные, ничего не выражающие глаза уставились на Ши Цина. Он был красив, но когда смотрел вот так, без тени эмоций, у любого защемило бы в груди. Случалось, дворцовая челядь, намеренно издеваясь над ним, доводила его до гнева, и тогда одного такого взгляда хватало, чтобы обидчики, похолодев от страха, спешили убраться прочь.

К Ши Цину с детства никто не смел прикоснуться и пальцем, не говоря уже о грубом слове. Он впервые в жизни столкнулся с таким выражением лица.

На бледных щеках юного господина промелькнул испуг. Его круглые глаза, не желая сдаваться, распахнулись ещё шире, нежные губы плотно сжались, а рука вцепилась в край одеяла, отползая назад.

— Ты... ты чего на меня смотришь?!

Он явно испугался, но продолжал хорохориться, словно маленький зверёк, пытающийся казаться больше и страшнее.

Если он разозлит Ши Цина, достанется опять ему.

Подумав об этом, Юй Чэньнянь медленно опустил голову.

— Я не умею петь, — глухо произнёс он.

— Какой же ты бесполезный, даже песню спеть не можешь.

Увидев, что пугающее выражение исчезло с его лица, Ши Цин вновь осмелел и принялся снова легонько пинать юношу по ноге.

Силы в нём было немного, а ступни — мягкие и белые. Нежные касания не причиняли никакого вреда, и Юй Чэньнянь, словно не замечая их, продолжал сидеть неподвижно, позволяя юному господину вымещать злость.

Не прошло и десяти ударов, как тот устал.

На бледных щеках от натуги проступил лёгкий румянец, дыхание сбилось. Он с самодовольным видом взглянул на принца, но, не увидев на его лице и тени унижения, тут же вспыхнул от злости.

— Не знаю, что ты ешь целыми днями, тело такое твёрдое, что и пнуть невозможно! Даже пнуть нельзя!

Он походил на котёнка, который хотел оцарапать обидчика, но обнаружил, что его коготки слишком малы и не причиняют вреда. Раздосадованный и злой, он зашипел, перекладывая вину на другого:

— И песню спеть не можешь! И тело такое твёрдое! Какой от тебя вообще прок?!

Эти упрёки нисколько не задевали Юй Чэньняня, давно привыкшего к наказаниям. Он даже счёл, что слушать ругань Ши Цина не так уж и плохо. По крайней мере, у того был приятный голос, слова не ранили, а пинки не причиняли боли. Это всяко лучше, чем терпеть издевательства старших братьев и унижения от наставников.

У его братьев были товарищи по учёбе, и у него, разумеется, тоже. Вот только наставники его презирали, а братья постоянно травили. На каждом уроке они нарочно задавали ему каверзные вопросы. Если он не мог ответить, наказанию подвергнулся его товарищ — его били по рукам.

Хотя Юй Чэньнянь и был нелюбимым принцем, в товарищи ему определили отпрыска из благородной чиновничьей семьи. Тот никогда не знал подобных лишений, и вскоре, под предлогом болезни, перестал приходить на занятия, не желая больше терпеть побои.

Когда товарища не было, били, разумеется, самого Юй Чэньняня.

Наставники никогда его не жалели. Большинство из них поддерживали других принцев и презирали опального девятого принца. А если кто-то из братьев бросал им многозначительный взгляд, удары становились ещё сильнее.

Поэтому императорский кабинет, бывший для других принцев местом учёбы, для него стал местом пыток.

И зимой, и летом он получал больше всех наказаний. В лютую стужу его опухшие от обморожений руки били докрасна, а потом заставляли переписывать книги. Он один возвращался к себе и писал до самого рассвета.

По сравнению с этим, что значили безобидные упрёки Ши Цина?

Прислуживающий снаружи евнух, услышав внезапно повысившийся голос юного господина, обеспокоился, как бы чего не случилось. Он тут же подскочил к двери и, согнувшись в три погибели, пролепетал:

— Молодой господин, будут какие-нибудь приказания?

— Будут!

Юный господин, яростно поносивший принца, но не добившийся от него никакой реакции, гневно отозвался. Он смерил невозмутимое лицо Юй Чэньняня полным негодования взглядом и нехотя залез обратно под одеяло, укутавшись с головой.

— Войди.

Евнух тут же послушно толкнул дверь и, не поднимая головы и не разгибая спины, почтительно вошёл.

Тут же раздался ленивый голос Ши Цина:

— Я спать ложусь. Спой мне что-нибудь.

— Слушаюсь.

Евнух без промедления затянул песню. Видно было, что ему не впервой.

Только сейчас Юй Чэньнянь вспомнил, как другие принцы подшучивали над Ши Цинем, называя его младенцем, который засыпает только под колыбельную.

Поняв, что тот не пытался его унижить, Юй Чэньнянь не испытал особого облегчения. Он просто продолжал молча сидеть и ждать.

Евнух пел уже некоторое время, но юный господин, вместо того чтобы мирно заснуть под звуки песни, лишь хмурился и беспокойно ворочался под одеялом. С того места, где сидел Юй Чэньнянь, было видно, как Ши Цин целиком зарылся лицом в одеяло.

Спустя несколько минут беспокойного копошения, он высунул голову, и на его бледном личике было написано крайнее недовольство.

— Жаровню не зажигали? Почему так холодно?! — капризно спросил он.

Евнух тут же умолк и осторожно ответил:

— Молодой господин, жаровня здесь, её давно растопили отборным углем, и она горит всё это время.

— Тогда почему в комнате совсем нет тепла? — недовольно возразил Ши Цин, ещё глухо зарываясь в одеяло. — Я уже столько лежу, а ноги всё ледяные, просто ужас.

— Может, принести вам грелку, господин?

— Не люблю я их, ещё обожгусь.

У капризного юного господина было немало требований.

Сказав это, он обвёл комнату своими круглыми тёмными глазами. Когда его взгляд упал на Юй Чэньняня, он словно что-то придумал. Глаза его загорелись, и он приказал:

— Ты! Сядь сюда, ближе.

Юй Чэньнянь молча подвинулся.

— Ещё ближе, я тебя что, съем?!

Недовольный тем, как мало тот сдвинулся, Ши Цин принялся ворчать и, извиваясь под одеялом, сам подкатился к нему, словно гусеница.

Убедившись, что расстояние подходящее, он удовлетворённо улыбнулся.

— Ты такой высокий и сильный, наверняка не мёрзнешь. Сначала согрей мне ноги.

С этими словами юный господин высунул свои белые ступни и, не дожидаясь ответа, без церемоний просунул их под верхнюю одежду Юй Чэньняня, прижав к его тёплой пояснице.

Лишь ощутив тепло тела принца, согревающее его ледяные ноги, он немного успокоился, и недовольное выражение сошло с его лица.

Юй Чэньнянь по-прежнему не выказывал никакого сопротивления. Он слегка повернулся, чтобы посмотреть на юношу, который снова сжался в комок под одеялом, оставив снаружи лишь макушку.

На самом деле, в комнате было очень тепло. По крайней мере, намного теплее, чем в императорском кабинете. Юй Чэньнянь никогда не получал свою долю угля, и то малое количество, что ему изредка выдавали, он всегда относил в покои своей больной приёмной матери. Поэтому в его собственной комнате было немногим теплее, чем на улице. А поскольку комната была сырой и в неё редко заглядывало солнце, ложиться спать каждую ночь было всё равно что ложиться в ледяную постель.

А сейчас Ши Цин, находясь в тёплой комнате, на кровати, устланной тёплыми шкурами, под одеялом, которое постоянно просушивали и прогревали, всё ещё жаловался на холод.

Избалованный юный господин никогда не знал меры.

Когда ноги согрелись теплом чужого тела, он капризно пожаловался, что в таком положении мёрзнут лодыжки. Евнух осторожно попытался прикрыть их одеялом из кроличьего меха, но был отогнан гневным окриком.

Юный господин был недоволен и готов был разразиться истерикой.

— Почему в комнате всего одна жаровня с углём? У меня дома всегда три ставят.

Евнух поспешил осторожно объяснить:

— Молодой господин, в этом году мало угля «хунло». Его распределяют по норме. В ваших покоях положена только одна жаровня, даже у принцев в комнатах тоже только по одной.

— Так мне что, замёрзнуть теперь?! Дома я никогда так не мёрзну!

Папа Ши происходил из знатного рода с многовековой историей. Ши Цин был его единственным сыном, и с детства его окружали шёлк, парча и несметные сокровища. Уголь «хунло», который даже принцам выдавали по норме, для него действительно был доступен в

любом количестве.

— Может, так? — снова предложил евнух. — Я схожу к принцам, попрошу, может, они уступят немного угля из своих покоев, чтобы молодой господин мог хорошо выспаться?

— Не смей!

Ши Цин, не раздумывая, оборвал его. На его бледном личике всё ещё играл гнев.

— Когда та змея была на мне, никто из них даже не пошевелился, чтобы помочь. Не хочу я с ними разговаривать.

Юноша сердито убрал ноги и посмотрел на Юй Чэньняня.

— Это из-за тебя меня чуть не укусила змея. Ты должен мне заплатить.

— Ложись сюда. Будешь спать со мной.

Юй Чэньнянь замер.

Услышав предыдущую фразу, он решил, что Ши Цин придумал новую изощрённую издевку. Но тот приказывал ему лечь в постель?

Возможно, его изумлённый взгляд не понравился юному господину. Тот надул щёки, резко вскочил и, схватив Юй Чэньняня за руку, потянул его на кровать.

Потянул раз, но не смог сдвинуть с места.

Ши Цин застыл.

Он уставился своими круглыми тёмными глазами сначала на свою руку, потом на замершего Юй Чэньняня, и его лицо залилось краской стыда и гнева.

— Я велел тебе лезть сюда!! — в его мягком голосе зазвучала ярость.

— Наставники могут заметить моё отсутствие и разгневаться, — возразил Юй Чэньнянь.

— Не заметят, так не заметят. Подумаешь, пропустишь пару уроков. Они только и делают, что бубнят свои премудрости, всё равно ничему путному не научат, — фыркнул Ши Цин и крикнул ожидавшему внизу евнуху: — Пойди и скажи наставникам, что я нездоров, а девятый принц за

мною ухаживает. Мы берём отгул.

— Слушаюсь.

Евнух почтительно удалился.

Выйдя, он в точности передал слова Ши Цина наставнику. Тот кивнул, показывая, что всё понял, и даже не спросил, почему это принц должен ухаживать за нездоровым товарищем по учёбе. Все знали, что император благоволит Ши Цину больше, чем собственным сыновьям. Лишь сумасшедший стал бы перечить ему.

Другие принцы тоже не высказали возражений. Ши Цин был злопамятен. Он едва не пострадал от змеи и теперь был уверен, что виноват в этом Юй Чэньнянь. Ему предстоит вытерпеть немало.

Какое там «нездоров», какой «ухаживает». Зная характер юноши, не терпящего и малейшей обиды, все были уверены, что он сейчас придумывает, как побольнее отомстить Юй Чэньняню.

Все всё поняли, и никто не стал посылать людей разузнать, что происходит.

А в это время в тёплой комнате Юй Чэньнянь, которого, по всеобщему мнению, должны были пытаться и мучить, лежал в тёплой постели.

Юный господин, уже свернувшийся клубочком под одеялом, ощутив идущее от него тепло, наконец удовлетворённо перестал капризничать. Он уютно закрыл глаза и без всяких церемоний прижался к Юй Чэньняню.

За всю свою сознательную жизнь тот впервые лежал в постели в такой умиротворяющей обстановке. Воздух был напоён теплом, в комнате было прибрано и свежо, и он даже чувствовал лёгкий молочный аромат.

Он исходил не от одеяла и не от курильницы, а от спящего в его объятиях юного господина. Тот, видимо, очень любил козье молоко, и, возможно, именно поэтому его кожа была такой белой и нежной, а от тела исходил этот едва уловимый молочный запах.

Даже во сне нежный Ши Цин беспокойно двигал ногами, инстинктивно прижимаясь к источнику тепла и успокаиваясь, лишь коснувшись Юй Чэньняня.

Получилось так, будто принц обнимал его.

Тело юноши в его руках было мягким и нежным. Он не смел шелохнуться, боясь одним неловким движением повредить это хрупкое и гордое создание.

В душе у него рождалось странное, щекочущее чувство, словно котёнок водил по сердцу мягкой лапкой, не выпуская когтей.

Не больно, немного щекотно, но так, что хотелось, чтобы он провёл лапкой ещё раз.

В этой безмятежной атмосфере, с этим новым, робким ожиданием в душе, Юй Чэньнянь медленно закрыл глаза и впервые в жизни уснул крепким, спокойным сном.

<http://bllate.org/book/15834/1438937>